

ПЕЧАТИ ПОЛОЦКИХ ГРАМОТ XIV—XV вв.

В течение 50—60-х годов русская сфрагистика достигла крупных успехов. В ней ясно определилось главное направление — начатое Н. П. Лихачевым и продолженное В. Л. Яниным, а также рядом других исследователей изучение древнерусских вислых печатей. Усилиями русских и советских ученых собраны и частично изданы (древнерусские X—начала XIII в. и новгородские XIII—XV вв.) вислые печати независимо от того, находились ли они при документах или были найдены отдельно.¹ Выяснены географическое распространение и назначение вислых печатей. По мнению В. Л. Янина, вислая печать всегда была атрибутом власти, поэтому она сохраняет на себе «свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту», поэтому вислые печати употреблялись при официальных документах, скрепляя акты, особенно частные.²

Внимания советских исследователей не привлекла большая группа печатей, вернее оттисков печатей, сделанных преимущественно на воске. Вислая печать на протяжении XIII—XV вв. сохранилась в Новгородской земле, в других же русских землях — центральных, южных и западных — она исчезла, сменяемая воцаными оттисками печатей. Поэтому для центральных (или так называемых северо-восточных) русских земель, украинских, белорусских, западнорусских (Смоленщины) и северо-западных (Псков, например) весьма актуально изучение оттисков печатей, хотя оно представляет очень большие трудности. Одна из них чисто техническая: воцаные оттиски печатей настолько хрупки, что редко сохраняются, а тем более в целом виде; надписи на них легко стираются, особенно если оттиск не имел сверху бумажной накладки. Поэтому, как правило, при обычном рассматривании эти надписи не всегда поддаются чтению. Вероятно, необходимо применение каких-то специальных приемов.

В отличие от вислых печатей число воцаных оттисков ограничено числом письменных документов. Обычно оно значительно меньше его, так как многие документы в течение веков потеряли скрепляющие их оттиски печатей. Этим определяются более узкие по сравнению с вислыми печатями границы возможного

¹ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I—II. М., 1970.

² См.: В. Л. Янин. Изучение древнерусских вислых печатей. Вспомогат. истор. дисциплины, I, Л., 1968, стр. 32—56.

исследования оттисков.³ Но тот факт, что оттиски не теряют связи со скрепленными ими документами, позволяет точнее определить их назначение.

Не выработаны до сих пор и методические принципы изучения оттисков печатей.⁴ Единственные в дореволюционной литературе работы П. Иванова и А. Лакиера, специально посвященные оттискам, почти не касались этого вопроса. П. Иванов лишь собрал прориси ряда древнейших русских, в основном московских, печатей.⁵

Некоторые сведения о технике прикрепления оттисков, их расположения на документе содержит давно изданная, устарелая, но все еще не превзойденная современными исследованиями работа А. Лакиера.

Изучение воцаных оттисков, разумеется, должно применять иные методические приемы, нежели изучение вислых печатей. Помимо исследования изображения и надписи, которым посвящена сфрагистика вислых печатей, для изучения оттисков печатей особое значение приобретает и цвет воска, используемого в качестве материала для них: разнообразная гамма цветов осталась свидетельством различных традиций деятельности отдельных учреждений, достигая иногда символического значения (наиболее характерны красновосковые печати великих князей московских и литовских). Кроме того, исследование оттисков печатей должно сопровождаться анализом того самого документа, который скреплен этим оттиском. Важное значение имеют расположение и способ прикрепления оттиска к бумаге или пергамену. На последнее обстоятельство обратил внимание лишь А. Лакиер, по мнению которого местом оттиска определялось значение «воцаной печати».⁶ Расположение же оттиска на документе характеризует не только роль печати, скрепляющей документы, но и тип самого документа.

Благодаря изданию подавляющего числа письменных документов, происходящих с территории центрально-русских земель,⁷ Пскова⁸ и некоторых белорусских, в частности Полоцка, воз-

³ Вероятно, в связи с этим А. В. Орешников писал о случайном характере воцаных печатей (Материалы к русской сфрагистике. М., 1903, стр. 8).

⁴ Нет даже единообразия в их наименовании. А. Лакиер называл их воцаными печатями (Русская геральдика, кн. I, СПб., 1855, стр. 101—102); А. В. Орешников — отпечатками или оттисками (Материалы к русской сфрагистике, стр. 3). Нами принят термин «оттиск».

⁵ П. И в а н о в. Сборник снимков с древних печатей. М., 1853.

⁶ А. Л а к и е р. Русская геральдика, кн. I, стр. 102.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I, М., 1952; т. II, 1958; т. III, 1964. Для сфрагистики большое значение имеет комментарий И. А. Голубцова.

⁸ Помимо вислых печатей Пскова, изученных Н. П. Лихачевым и В. Л. Яниным, в Центральном государственном историческом архиве Латв. ССР сохранились и оттиски печатей частных лиц, преимущественно купцов, времени независимости Пскова.

можно полное и всеобъемлющее исследование оттисков печатей этих земель. Наибольшие успехи достигнуты в изучении оттисков печатей центрально-русских земель: они хорошо описаны, частично воспроизведены. Наименее изучены белорусские и западно-русские печати,⁹ в том числе и полоцкие. Древнейшие образцы вислых полоцких печатей (печать епископов Якова и Григория, князя Глеба, а также городскую печать) описал Н. П. Лихачев.¹⁰ Типы великокняжеских и королевских печатей Витовта и Казимира характеризовал польский нумизмат и сфрагист М. Гумовский.¹¹ К сожалению, в его описание печатей литовских князей не включены печати тех из них, которые наместничали в Полоцке.

Печати полоцких наместников — это единственные, не считая великокняжеских и королевских, печати представителей литовской власти в Полоцке. Хотя Полоцкая земля в конце XIV в. потеряла независимость и временно вошла в состав Великого княжества Литовского, Полоцк, как и другие русские земли, находившиеся в XV в. в пределах Великого княжества Литовского, сохранил значительные элементы самоуправления и унаследовал традиции времени своей независимости.

Можно надеяться, что изучение полоцких печатей поможет выяснить границы юрисдикции каждого из этих элементов в несколько большей степени, нежели сами документы, скрепленные оттисками печатей. В Полоцке сохранилось крайне мало актов, касающихся внутреннего устройства и истории города. Большая часть документов — это не акты (договоры, купчие, жалованные, правые), но послания различных полоцких властей и отдельных полочан рижскому городскому совету и епископу по внешнеполитическим и внешнеторговым вопросам. Поэтому для воссоздания внутренней истории города крайне важны любые, в том числе и косвенные, свидетельства полоцких печатей.

Большая же часть полоцких актов сохранилась в копиях Литовской метрики, сохранивших редкие упоминания, но, увы, не описания печатей, поэтому копии Литовской метрики не могут быть привлечены для изучения печатей.

Полоцкие печати, независимо от их принадлежности, делятся на две большие группы: вислые печати и оттиски на воске. Это

⁹ Изучение литовских печатей с русскими надписями было начато еще в середине прошлого века. См. цитированную работу А. Лакиера и заметку К. М. Оболенского об изданиях И. Дзялынського и К. Фоссберга (К. М. Оболенский. Литовские печати с русскими надписями. Москвитянин, т. 6, № 21, 1854, ноябрь, стр. 25—26).

¹⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928; вып. 2, Л., 1929.

¹¹ M. Gumowski. Pieczęcie królów polskich. Kraków, 1909; Eiusd. Pieczęcie książów litewskich. Ateneum wileńskie, r. VIII, Wilno, 1931; некоторые дополнения внес Вл. Семкович: Wl. Semkowicz. Sfragistika Witolda z 9 rycinami w tekście. Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne, t. XIII, r. 1930, str. 65—86.

деление по типу изготовления и прикрепления печатей в Полоцке, как и в других русских, украинских и белорусских землях, есть одновременно деление хронологическое.

Все древнейшие полоцкие печати были вислыми. Это печати полоцких епископов Якова¹² и Григория, князя Глеба (Наримунта),¹³ княгини Андреевой и ее сына князя Семена,¹⁴ наконец, печать города Полоцка. Они, подобно другим вислым печатям, прикреплялись к грамотам с помощью нитей — шелковых (печать князя Глеба и епископа Григория) или льняных (печать княгини Андреевой и ее сына), или пергаменных ленточек (городская печать).

Древнейшие полоцкие печати (начала и первой половины XIV в.) оттиснуты на свинце — печати Якова и Григория, печать князя Глеба. В последнюю четверть XIV в. свинец исчез, уступив место воску (печать княгини Андреевой и князя Семена Андреевича, городская печать). Одновременно меняется и тип печати: из двусторонних они превращаются в односторонние. На печатях полоцких епископов Якова и Григория на одной стороне располагалась надпись, на другой — изображение богородицы типа Знамение, на печати князя Глеба — на одной стороне всадник с копьем, на другой — надпись. Печати княгини Андреевой и ее сына, как и городская печать, односторонние, они имеют только надпись.

На всех полоцких печатях XIV в. были линейные надписи.

В конце XIV в. резко меняется тип печати и способ ее прикрепления к грамоте. Вислые печати сохраняются только в том случае, если удостоверяется договорный документ, а именно договоры Полоцка с Ригой. Таких документов за XV в. известно три: грамота полочан Риге об обмене пленными от 7 ноября 1404 г., договор 1407 г., договор 1478 г.¹⁵ На пергаменной ленточке шириной около 0,5 см, продетой в сложенный вдвое нижний край грамоты, укрепляется большой кусок воска, на котором и оттискивается полоцкая печать.

Большинство грамот, касавшихся внутренних дел Полоцка, скреплялось печатью иначе. Частные акты (купчие, правые грамоты и др.)¹⁶ имели печати внизу листа. На верительных грамотах, будь то полоцкого епископа, например Ионы, или полоцких наместников, всего Полоцка, данных священнику русской церкви

¹² Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским, изданы Археологическою комиссиею, СПб., 1868 (далее — К. Э. Напьерский. Акты), № 9.

¹³ К. Э. Напьерский. Акты, № 30.

¹⁴ Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga, 1896. Riga, 1896, N 938.

¹⁵ К. Э. Напьерский. Акты, № 152, 164, 265; СГГД, ч. II, № 16.

¹⁶ R. Mienicki. Trzy dokumenty z wieku XV dotyczące ziemi Połockiej. Ateneum wileńskie, r. VII, z. 3—4, Wilno, 1930, str. 902—903; ЦГ БАН Лит. ССР, ф. 18, № 206, л. 191; ЦГИА Лит. ССР, ф. 599, on. 1, № 43, л. 7—7 об.

св. Николая в Риге или полоцким послам в Риге, оттиски печати также располагались внизу документа на его лицевой стороне.¹⁷

По-видимому, грамоты, скреплявшиеся оттиском печати на лицевой стороне, принадлежали к тому типу, который назывался на западе в это время «открытыми» грамотами. Этот термин знаком и Полоцку. О таких грамотах пишет Андрей Ольгердович, последний полоцкий князь, в своей данной ливонскому магистру на Полоцкую землю.¹⁸

Третий способ наложения печати наблюдается на грамотах, адресованных вне города, т. е. различным рижским властям. В этом случае грамота свертывалась в два или три раза, получалась удлинённая полоска, концы которой загибались внутрь таким образом, чтобы они близко соприкасались друг с другом. В двух или трех сантиметрах от краев этих концов каким-то очень острым предметом проделывались отверстия сквозь бумагу. В зависимости от того, во сколько раз она была сложена, получалось 9, 12 и даже 20 прорезей длиной около 0.5—0.75 см. В эти отверстия вставлялась тонкая полоска бумаги, которая скрепляла концы свернутой грамоты. На эту полоску, названную нами подкладкой, укреплялся воцаной оттиск печати.

Таким образом, в Полоцке в XV в. существовало три способа наложения печати в соответствии с типом документа, подлежащего удостоверению. «Технико-хронологическая» классификация оттисков печати отвечает делению самих письменных документов на различные виды: акты удостоверялись вислыми печатями, по старой традиции так скреплялись договоры, частные акты — оттисками на лицевой стороне, письма и послания запечатывались снаружи.

С XV в. оттиски печатей независимо от назначения в целях их большей сохранности стали накрываться бумажной накладкой — кустодией.¹⁹

Наряду с технико-хронологической классификацией оттисков и печатей возможна и классификация по их принадлежности.

В Полоцке XIV—XV вв. существовало несколько типов печатей — княжеские, епископские (с начала XV в. — архиепископские), наместничьи, городские, боярские, мещанские, боярских слуг и слуг путных.

Княжеские печати представлены 4 экз., о которых уже шла речь. Печать князя Глеба, вислая свинцовая печать 2.8×2.5 см, имеет на одной стороне изображение всадника с копьём, которого К. Э. Напьерский и А. А. Куник идентифицировали со св. Георгием и в котором Н. П. Лихачев усматривал сходство с прототи-

¹⁷ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 43, 49; Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее — LECUB), Bd. XII, N 391, 414, 571.

¹⁸ LECUB, Bd. III, N 1226.

¹⁹ О распространении этого обычая в центральнорусских землях см.: А. Л а к и е р. Русская геральдика, кн. 1, стр. 103.

пом литовского всадника — погони.²⁰ Он сравнивал это изображение со всадником на печати князя Корибута, брата Ягеллы, при документе 1385 г.²¹ На другой стороне печати линейная надпись: ПЕЧА/ТЬКНЯ/ЖА ГЛЕ/БОВА (см. рисунок, 1).

Печать князя Глеба аналогична многочисленным древнерусским княжеским печатям. Н. П. Лихачев пишет о ней: «По типу своему печать князя Глеба примыкает к серии именных печатей русских князей XIV в.»²²

Этого нельзя сказать о воцаных оттисках печатей княгини Андреевой, жены Андрея Ольгердовича, и их сына (см. рисунок, 2 и 3). Воцаные оттиски имеют только одну сторону с линейными надписями: на печати княгини — ПЕЧТЬ / КНЯГИН/И ВЕЛИКО / АНЬДРЕ/ЕВЪ / ОЛ (фрагменты двух букв внизу неразборчивы); на печати князя Семена — ПЕЧ/ТЬ КН/Я СЕМ (от двух последних букв сохранились лишь фрагменты).

Отказ семьи Андрея Ольгердовича от употребления свинцовой печати легко объяснить теми трудностями, которые она переживала в 1387—1389 гг., в момент написания грамоты, во время отсутствия Андрея Ольгердовича.

К сожалению, не сохранилось ни одного подлинного документа от имени Андрея Ольгердовича, нет, стало быть, и его печати, хотя он несомненно ее имел. В его письме орденским властям от 11 октября 1385 г. читаем: «А на крепость сего мы в присутствии находящихся здесь лиц прилагаем свою печать».²³ Печать князя Андрея была привешена и к жалованной Корсакам — Федору и Дмитрию.

По-видимому, Андрей Ольгердович был последним обладателем княжеского стола в Полоцке и последним полоцким князем. В конце XIV в. с потерей Полоцком независимости исчезают и печати полоцких князей, смененных великокняжескими литовскими наместниками или ставленниками. К последним принадлежит князь Скиргайло, носивший титул полоцкого князя в 1387 г., пожалованный ему польским королем Владиславом. Его ленная грамота Владиславу от 18 июня 1387 г. была снабжена красновосковой печатью с изображением всадника на коне, с копьем в правой руке и щитом со спящим львом в левой. Круговая надпись гласит: Skyr gal dei gra dux d'Littow.²⁴

С 1392 г. верховным правителем Полоцка становится великий князь литовский. Грамоты Витовта и Казимира сохранили не-

²⁰ К. Э. Напьерский. Акты, № 30; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 36.

²¹ J. Działyński. Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841, tabl. II, N 2.

²² Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 1, стр. 36—37.

²³ LECUB, Bd. III, № 1227; ЦГИА Лит. ССР, Древние акты, № 4794, л. 1529 об.

²⁴ Печать описана знатоком польской и литовской сфрагистики Вл. Семковичем. См.: St. Kutrzeba i Wl. Semkowicz. Acta unii Polsko-Litewskiej. Krakow, 1932, N 18.

1
ИГУА
ТЗИНА
ЖАРЛ
ЕОФА

2
ТУТЬ
КНАГНН
ЧВЕЛНКОИ
АНДАФЕ
УВЗОЛУ

3
ПЕУ
ТЫКМ
АЛЛ

4
ПЕУ
ПОЛ
САА
РЕС

5
ВАСНАКА
ПЕУ

6
РНЖК

7
ИНОВАСЕ ЕН

8

9
ВАИИ ПЕУ ЯЕ
ЕОЛРЯ

9

10

11
ПЕУА
ТЬПОЛО
ЧЫКДАИ
СТОМО
ФЫ

11

12
АКО
ВЗЕПП
ПОЛУИ
ВСКИИ

12

13
ПЕ
УАТН
ЕПСМА
РРНГО
РНА

13

14
НЛТИО
СЖКЮСН
СИИТВА
ЫКРЮЛОЧ
ЫКИИ

14

14
ОИИТЛН
НИИЮИЖ
АДЛВСИИ
РКЮЛОЧ
ЫКИИ

15
ИИЛЮ
БЖВЮК
ДЛВ
ПВПОЛО
ЧКНИ

15

15
ИИЛЮ
БЖВЮК
ДЛВ
ПВПОЛО
ЧКНИ

Прориси полоцких печатей.

1 — печать князя Глеба, около 1338 г.; 2 — печать княгини Андреевой, 1387—1389 гг.; 3 — печать князя Семена Андреевича, 1387—1389 гг.; 4 — фрагменты оттиска печати Монтигирда и городской печати, 1396 г.; 5 — печать Василия Дмитриевича Корсака на грамоте его деда наместника Федора, 20-е годы XV в.; 6 — печать наместника Прижинта, 1438 г.; 7 — печать наместника Ивана Семеновича, 1409 г.; 8 — герб Олехны Судимонтовича, наместника, 60—70-е годы XV в.; 9—10 — печати Богдана Андреевича, наместника, 1476—1484 гг.; 11 — городская печать; 12 — печать епископа Якова, 1309 г.; 13 — печать епископа Григория, около 1338 г.; 14 — оттиск, зеркальный отпечаток и фрагмент печати епископа Семиона I, 40-е годы XV в.; 15 — зеркальный отпечаток оттиска печати и прориси печати епископа Калиста, 1458—1459 гг.; 16 — печать епископа Семиона II, конец 60—70-х годов XV в.; 17 — печать епископа Ионы, 1487 г.; 18 — печать епископа Евфимия, первое—начало второго десятилетия XVI в.; 19 — печать архимандрита Ионы Никольского монастыря на Лучне (1487 г.) и священника Никольской церкви в Риге Прокопа (1508 г.); 20 — печать Зиновия Васильевича Корсака; 21 — печать Астафия Васильевича Корсака; 22 — мещанские печати на грамоте 1487 г.; 23 — печать боярского слуги Якуша, 1483 г.; 24 — печать слуги путного Василия Семеновича Редки, 1499 г.

сколько образцов литовской великокняжеской печати, давно известные в литературе. Красновосковая печать Витовта имеет круговую надпись: Witowdt dux Lithuaniae. Печать Витовта такого типа описана М. Гумовским и отнесена им к 1393—1419 гг.

Печать Казимира на грамоте 1458 г. аналогична печати 1452 г., описанной М. Гумовским. Это средняя литовская печать Казимира с готической надписью: † S. Kazimiri dei gra regni Polon...²⁵ Остатки других печатей Казимира настолько малы, что не позволяют идентифицировать их ни с каким типом.

Великокняжескую власть в Полоцке представляли наместники. Насколько конституировался этот институт, можно представить себе по печатям наместников. Обычно наместники пользовались своими личными печатями. Устойчивого типа наместничьих печатей не было ни в конце XIV в., не появились они и в XV в.

Первым наместником в Полоцке, печать которого сохранилась, был Монтигирд. Два фрагмента его печати находятся на грамоте 1396 г. На большом фрагменте (2.6×1.5 см) видны четыре буквы круговой надписи «МОНЬ», на втором — одна буква «Д».²⁶ Однако его именной печати в 1396 г. казалось недостаточно для того, чтобы скрепить грамоту, отправляемую от его собственного имени в Ригу. Рядом с печатью наместника была оттиснута и городская печать (см. рисунок, 4).

Грамота 1396 г. не представляет исключения. Спустя 13 лет, в 1409 г., вновь рядом с печатью полоцкого наместника, которым в это время был князь Иван Семенович, видим следы другой печати — желтовосковой печати диаметром 3 см, т. е. несомненно полоцкой печати.²⁷ Нельзя предположить, что второй оттиск — это оттиск другой стороны печати Ивана Семеновича, так как последний пользовался черным воском и диаметр его печати несколько меньше — 2.9 см.

Некоторые грамоты написаны от имени безымянных наместников и скреплены не наместничьими печатями, но полоцкими.²⁸

Весьма возможно, что употребление одновременно двух печатей — наместника и городской — отражает дуализм в управлении городом, сложившийся в первые годы после вхождения Полоцка в состав Великого княжества Литовского.

Одна из наиболее ранних наместничьих печатей находится на грамоте, написанной от имени Федора, по-видимому Федора Корсака. Его желтовосковая печать (диаметр 1.4 см) в центре

²⁵ M. Gumowski. 1) Pieczęcie książów litewskich, str. 796; 2) Pieczęcie królów polskich, str. 9.

²⁶ Wl. Semkowicz. Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskim w unii horodelskiej. Polska a Litwa w dziejowym stosunku, Warszawa, 1914, str. 411; LECUB, Bd. VI, N 2931.

²⁷ К. Э. Напьерский. Акты, № 172.

²⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 68; К. Э. Напьерский. Акты, № 278.

имеет знак, похожий на §, родовой знак Корсаков, и круговую надпись: ПЕЧАТИВАСИЛКА, одна буква не поддается чтению.²⁹ Вероятно, эта печать принадлежала внуку Федора, Василию Дмитриевичу Корсаку, известному политическому деятелю 30—40-х годов XV в. (см. рисунок, 5).

Все другие печати наместников также имеют лишь надписи с указанием имени владельца печати. Такова желтовосковая печать Прижкента, от которой сохранился фрагмент 2×1.3 см с частью круговой надписи: ПРИЖЬ... (см. рисунок, 6).³⁰ Такова и черновосковая печать князя Ивана Семеновича с фрагментарной надписью: ...ВАНОВА СЕ...ЕН... (см. рисунок, 7).³¹ Печать Немира на коричневом воске (1.7×1.5 см) имеет совершенно неразборчивую надпись, так же как и печать князя Григория на желтом воске (диаметр 2.5 см).³²

Не лучше обстоит дело и с печатями наместников 40-х годов XV в. Можно сказать только, что печать Ивашки Кройцевича была оттиснута на черном воске и имела диаметр 2.5 см, а печать Семена Кгедикговдовича — на коричневом воске (диаметр 2 см). В центре печати располагалась шестиугольная звезда на щите. Круговая же надпись совершенно не поддается чтению.³³ К сожалению, неизвестны его печати, происходившие из других районов.

Частая смена наместников в Полоцке, по-видимому, не располагала к созданию не только наместничьей печати, но и постоянной канцелярии наместника. Об этом свидетельствует и тот факт, что каждый наместник использовал для скрепления своих документов воск разного цвета.

Наместничья чехарда в Полоцке закончилась с назначением Андрея Саковича в 1445 г. на должность воеводы. Андрей Сакович пробыл наместником в Полоцке 13 лет. Видимо, он был первым, кто имел в Полоцке свою постоянную канцелярию. Его печать оттискивалась почти исключительно на зеленом воске,³⁴ только два раза он пользовался желтым.³⁵ Диаметр печати, как позволяют судить следы ее, колебался от 1.9 до 2 см. Нет ни одного полного отпечатка, так что не удается восстановить ни надписи на ней, ни изображения, находившегося в центре.

Андрей Сакович, часто уезжавший из Полоцка, оставлял там своих наместников. Известны печати одного из них — Омельяна. На одной из грамот видны следы светло-коричневого оттиска печати Омельяна диаметром 2.4 см, на другой — оттиски его же

²⁹ ЛЕСУВ, Bd. VII, № 402.

³⁰ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 66.

³¹ ЛЕСУВ, Bd. VI, № 2981. К 1971 г. сохранилось только 8 букв: ...НОВА СЕ...ЕН...

³² ЛЕСУВ, Bd. VII, № 399, 401.

³³ ЛЕСУВ, Bd. X, № 111, 168.

³⁴ ЛЕСУВ, Bd. XI, № 2, 89—92.

³⁵ Там же, № 88, 89.

желтовосковой печати диаметром 2.1 см с фрагментом надписи «ЧИМ».³⁶ Разница в диаметре объясняется, вероятно, тем, что в одном случае остались лишь следы печати, более расплывшиеся, нежели сама печать.

Грамота 1447—1458 гг. написана от имени Олехны, наместника Андрея Саковича, и Василия Дмитриевича Корсака.³⁷ Однако грамота была скреплена только одним оттиском — желтовосковой печати диаметром 2.8 см, обнаруживающей большое сходство с печатями Корсаков — его сыновей Зиновия и Астафия. По-видимому, печатью Василия Дмитриевича скреплялась грамота, написанная от имени Олехны и Корсака.

Может быть, Корсаку следует приписать грамоту,³⁸ написанную от имени какого-то не названного по имени наместника Андрея Саковича? По размерам (диаметр 2.6 см) и цвету она сходна с печатью Корсака. Судить окончательно трудно, так как сохранился только след от нее.

Еще один наместник Андрея Саковича Иван вообще не пользовался собственной печатью, а применял городскую печать. Сохранились следы этой желтовосковой печати диаметром 3—3.1 см.³⁹

Если сам Андрей Сакович создал какую-то канцелярию в Полоцке, то во время его многочисленных отлучек замечавшие его наместники не прибегали к ее услугам. Они по-прежнему пользовались либо личными печатями, либо городской.

Следующий полоцкий наместник Петр Монтигирдович (1458—1460 гг.) унаследовал традиции канцелярии Андрея Саковича. Его печать и по размерам приближалась к печати Андрея Саковича (диаметр 2 см) и оттискивалась только на зеленом воске. Круговая надпись в одном случае совершенно неразборчива, а в другом видны только две буквы — СЕ.⁴⁰

Его преемник Олехно Судимонтович пробыл полоцким наместником до 1478 г. В течение 15 лет он пользовался одной и той же печатью диаметром 1.9—2 см, которая имела в центре ясно видный знак, похожий на заглавную букву «Ч», и готическую надпись вокруг него (см. рисунок, 8). Часть этой надписи («montowi...») хорошо видна на одной из грамот.⁴¹

Олехно Судимонтович всегда пользовался черным воском, только дважды он изменил этому правилу, применив коричневый

³⁶ Там же, № 94, 95.

³⁷ Там же, № 93.

³⁸ Там же, № 97.

³⁹ Там же, № 96.

⁴⁰ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 198; LECUB, Bd. XI, № 718, 768, 799.

⁴¹ Только печать на грамоте от 24 февраля 1476 г. достигла размера 2.6 см (ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 17а). Возможно, в это время Олехно Судимонтович, став троицким воеводой, стал пользоваться новой печатью (LECUB, Bd. XII, № 670).

и коричнево-зеленый воск. Впрочем, может быть, и эти оттиски имели черный цвет, сами они не сохранились, остались лишь следы от печатей.⁴²

Во время наместничества Олехны Судимонтовича появился новый для Полоцка обычай в оформлении печати, получивший распространение во всем Литовском княжестве. Воск перед наложением печати накрывался накладкой, обычно квадратной (3.8×3.8, 3.2×3.2, 3×2.9 см).

Так же оформлялись печати и последующих полоцких наместников, в частности Богдана Андреевича (1476—1484 гг.) (см. рисунок, 9, 10). Его зеленовосковая печать диаметром 2.2—2.3 см в центре имела фигуру, отдаленно напоминающую голову быка, и круговую надпись: † ПЕЧАТЬ БОГДАНОВА (далее одна буква неразборчива). Эта печать употреблялась им наиболее часто.⁴³

Иной тип печати скрепляет грамоту № 190. Это тоже зеленовосковая печать того же диаметра, в центральном круге (диаметром 1.4 см) голова быка с широко расставленными ушами и поднятыми кверху рогами. Круговая надпись русскими буквами стилизована под готическую.⁴⁴

Хуже сохранились печати полоцкого наместника конца XV в. Яна Юрьевича Забрезинского. Диаметр печати 2.6 см, она оттискивалась и на коричневом, и на желтом, и на зеленом воске. Сохранившийся на одном из оттисков фрагмент круговой надписи совершенно не читается.⁴⁵

Рассмотрение печатей полоцких наместников свидетельствует о том, что наместники, как правило, не имели собственной канцелярии в городе, за исключением Андрея Саковича и, возможно, Петра Монтигирдовича. Ни один из последующих полоцких наместников не унаследовал традиций своего предшественника. Впрочем, большинство их употребляло зеленый воск, который, вероятно, был наиболее распространен в официальных учреждениях Литвы.

Наместники первой четверти XV в. часто использовали городскую печать для скрепления своих грамот. К городской печати прибегали и наместники Андрея Саковича в 40—50-е годы. Позднее полоцкие наместники, даже выезжая из города, не оставляли там своих заместителей и сами никогда не пользовались городской печатью.

Полоцкая городская печать впервые в сохранившихся до нашего времени документах встречается в грамоте 1396 г. намест-

⁴² ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 207а, 233а; ящ. 19, № 7 (коричнево-зеленый воск); ЛЕСУВ, Вд. XII, № 403, 413, 765 (коричневый воск), 824.

⁴³ Оттиск одной печати находится под накладкой 3.2×3.4 см, поэтому здесь отчетливо видна надпись (ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 230, см. также ящ. 19, № 38).

⁴⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 18.

⁴⁵ Там же, № 39, 50, 50а, 51, 52.

ника Монтигирда.⁴⁶ Неизвестно, когда она появилась. Единственным документом времени независимости Полоцка, к которому могла бы быть приложена городская печать, если бы она уже существовала, был договор 1338 г. Однако договор 1338 г. скреплен только княжеской и епископской печатями. По-видимому, в это время городская печать еще отсутствовала.

Весьма вероятно, что полоцкая городская печать появилась только в конце XIV в. в связи с коренным изменением управления городом. Именно при литовских великокняжеских наместниках появилась нужда в особой городской печати, скрепляющей документы, созданные в городской же канцелярии, независимой от великокняжеского наместничьего управления. Создался дуализм в управлении городом: с одной стороны городское управление — Полоцк и св. София, с другой — великокняжеский наместник. Вплоть до середины XV в. они действовали совместно: полоцкие наместники и наместники этих наместников широко применяли полоцкую городскую печать для скрепления своих документов.

Однако в 40-е годы применение городской печати стало привилегией исключительно полоцких горожан, выступавших в самих грамотах под различными наименованиями: «мужи-полочане», «бояре, мещане и все посольство», одни «мещане» и т. д.

Несмотря на большой удельный вес в политической жизни Полоцка в 40-х—начале 60-х годов, мещанам, судя по печатям, не удалось создать особого политического органа власти, они, как и все «посольство», пользовались городской печатью. Примечательно, что мещане могли скреплять ею грамоты, написанные исключительно от имени этого слоя городского населения.

Полоцкая городская печать по снимку с оттиска ее на грамоте 1404 г.⁴⁷ была упомянута А. Лакиером и описана Н. П. Лихачевым. Н. П. Лихачев указал, что это печать типа русских металлических булл, оттиснута в круглой восковой коробке — кустодии по западноевропейскому образцу — и представляет собой разновидность польско-молдо-влахийского типа.

Печать диаметром 3 см (см. рисунок, *II*) имеет линейную надпись: ПЕЧАТЬ ПОЛОЦЬКАЯ И/СТОЕСО/ФЬИ. Храм св. Софии был патрональным храмом города, независимым от архиепископа, более того, даже враждовавшим с ним, как это было в конце XV в.

Полоцкая городская печать всегда оттискивалась на чистом светло-желтом воске, легко отличимом от множества других оттенков желтого воска. Несколько раз в 70-е годы полочане употребляли воск другого цвета — зеленый и темно-желтый.⁴⁸

⁴⁶ LECUB, Bd. VI, № 2931.

⁴⁷ СГГД, т. II, № 16; А. Лакиер. Русская геральдика, кн. 2, стр. 158; Н. П. Лихачев. Материалы, вып. 2, стр. 18.

⁴⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 204; К. Э. Напьерский. Акты, № 263.

Несколько раз ее диаметр превышал обычный — 3.1—3.3 см.⁴⁹ Чему приписать эти исключения — тому ли, что печать оттискивалась небрежно и ее наружный круг увеличивался из-за этого, или изменению матриц самой печати, трудно сказать.

Определенно можно утверждать, что только в 1472 г. полочане пользовались какой-то иной матрицей. «Ч» получила более удлиненную ножку, чем раньше; «А» приобрела форму почти равнобедренного треугольника, без ясно выраженной вертикальной линии; буква «Л» получила угловатые очертания и стала заканчиваться наверху не острым углом, а горизонтальной линией, к которой подходят вертикальные линии.⁵⁰ Другие случаи употребления этой матрицы неизвестны.

В конце XV в. городская печать почти выходит из употребления. В полоцком городском самоуправлении решающую роль еще в 80-е годы стали играть бояре, которые в конце века полностью отказались от участия во внутренних делах города, передав все свои полномочия великокняжескому наместнику.

В XV в. весьма скромная роль во внутренней жизни города принадлежала и полоцкому владыке. Если в начале XIV в. он активно участвовал во внешнеполитической жизни города и вступал в переговоры с Ригой по важнейшим вопросам полоцко-литовских взаимоотношений (см. грамоту епископа Якова 1309 г.) и наравне с князем скреплял своей печатью полоцко-рижский договор 1338 г., то в конце XIV—начале XV в. с потерей Полоцком независимости его роль стала более чем скромной. Полоцкий архиепископ отныне ведал только чисто церковными вопросами — назначением и смещением русских священников в церкви св. Николая в Риге, строительством и ремонтом церковных помещений в Полоцке и Риге, взиманием руги в пользу русской церкви в Риге.

Лишь один раз в 1459 г. полоцкий архиепископ Калист выступил в качестве равноправной с полоцким наместником и «посольством» силы. Вместе с ними архиепископ Калист снабдил полоцких послов в Ригу, преимущественно мещан, своей верительной грамотой.⁵¹ Думается, привлечение владыки к внешнеполитическим отношениям Полоцка является заслугой именно мещан.

Печати полоцких епископов и архиепископов обладают некоторой преемственностью. Вислые печати Якова 1309 г. и Григория 1338 г. (см. рисунок, 12 и 13) на одной стороне имеют аналогичное изображение Богородицы типа Знамение, на другой — линейные надписи, несколько отличающиеся. На печати Якова — ЯКО/ВЪЕППЪ/ПОЛОТЪСКИИ, на печати Григория —

⁴⁹ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 209, 262; LECUB, Bd. XI, № 95, 96.

⁵⁰ К. Э. Напьерский. Акты, № 263.

⁵¹ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 18, № 201.

ПЕ/ЧЯТИ/ЕПСПА/ГРИГО/РИЯ. Диаметр печатей разный: 2.8×3.5 см — у Якова и 2.8×2.5 см — у Григория.

Владычные печати XIV—XV вв. претерпели ту же эволюцию, что и княжеские XIV в.: они потеряли одну сторону с изображением и из вислых превратились в оттиски.

К сожалению, нет печати на грамоте архиепископа Феодосия. Между тем именно при нем, первом полоцком архиепископе, должна была измениться терминология надписи на печати. О ней можно судить по печатям Семиона Старого — архиепископа 40-х годов XV в. (см. рисунок, 14). Ему принадлежат три грамоты,⁵² которые имели оттиски печатей коричневого воска диаметром 3 см. Ни одна из печатей не сохранилась. Зато на всех грамотах есть фрагментарные или полные, легко читающиеся зеркальные отпечатки печатей. Надпись гласит: МЛТЬЮ/БЖІЕЮСЕМИ/ОНЪВЛАД/ЫКА ПОЛОЧ/ЬКИІ. Таким образом, архиепископы XV в. и в грамотах, и на печатях стали именоваться полоцкими владыками и ссылаться на «милость божью» как источник их положения.

Калист, полоцкий архиепископ, пробывший в Полоцке всего два года — 1458 и 1459 гг., — отказался от титула владыки. Две его печати диаметром 3.2 и 2.6 см (первая на темно-желтом воске, вторая — на черном) имеют одинаковые надписи, линейные, как и на всех епископских печатях предшествующего времени: на одной из его грамот видны нижние строчки: . . АЛИСТЬ/ЕППЪПО/ЧКИІ, на зеркальном отпечатке этой же печати — МЛ. . . Ю/БЖЪЕЮК/АЛИ. . . ЪЕ/ППЪ ПОЛО/ЧКИІ; на другой — фрагменты верхних строчек: . . ТЪЕЮ/БЖЪЕЮК. . . , а на зеркальном отпечатке третьей — нижние строки, как и на первой (см. рисунок, 15).⁵³

Которая из печатей употреблялась раньше, которая позднее, трудно сказать. Обращает на себя внимание размер оттиска в 2.6 см. Он точно соответствует размеру печати преемника Калиста — Семиона II.

Семион II резко изменил свою печать (см. рисунок, 16): в центре печати диаметром 2.8—2.6 см располагалось его имя, написанное вязью — Семіон, а по кругу почти такая же надпись, как у его тезки: †МЛТЬЮБЖЪЕЮВЛДКАПОЛЧКІ.⁵⁴ Семион II пользовался зеленым, коричневым и черным воском.

Вероятно, он принял новый тип надписи для того, чтобы его печать отличалась от печати Семиона Старого.

Предпоследний полоцкий епископ XV в. Иона Глезна (1481—1487 гг.) унаследовал и размеры, и тип печати Семиона II (см. рисунок, 17). Диаметр ее 2.5 и 2.8 см. Во втором случае

⁵² LECUB, Bd. X, N 265, 284, 324.

⁵³ LECUB, Bd. XI, N 769, 800.

⁵⁴ Там же, № 399, 426, 687; ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 27.

сохранились лишь ее следы.⁵⁵ Надпись вполне повторяет надпись на печати Семиона II: «Иона (вязью в центре печати) † МЛІСТЮ БЖЬЕЮ ВЛДК ПОЛЧ. По обычаям конца XV в. оттиск накрыт накладкой 3.8×3.8 см. Тип владычной печати сохранялся частично и при Евфимии, уже епископе полоцком и витебском (см. рисунок, 18).⁵⁶

Наряду с епископскими печатями сохранились еще две печати полоцких священнослужителей. Это печати архимандрита церкви св. Николая на Лучне Ионы и священника церкви св. Николая в Риге Прокопа (см. рисунок, 19).⁵⁷

Эти печати могут служить свидетельством того, что уже в XV в. каждый священник, как это было несомненно и позднее, в XVI в., имел свою печать.

Особым типом оттисков полоцких печатей следует признать боярские. Им придавалось очень большое значение. Мы уже говорили, что Василий Дмитриевич Корсак скреплял оттиском своей печати послание полоцкого наместника Олехны, направленное от его имени и имени Корсака в Ригу. Боярские печати приравнивались не только к наместничьим, но и владычным. К подтвердительно жалованной грамоте архиепископа Ионы мохонковлянам на борть, ранее принадлежавшую св. Софии, приложили свои печати два полоцких боярина — Зиновий Васильевич Корсак и Сенко Радкович.⁵⁸ Впрочем, в данном случае два крупнейших полоцких боярина выступали не от своего собственного лица, а в качестве представителей «посольства» или «бояр», управлявших городом наряду с великокняжеским наместником.

Сохранились оттиски печатей трех представителей семьи Корсаков: Василия Дмитриевича, деятельность которого приходится на 30—50-е годы, Астафия и Зиновия Васильевичей (см. рисунок, 20, 21). Впервые печать Василия была приложена к грамоте его деда Федора Корсака. Вероятно, в то время он был еще очень молод. Другая печать скрепляла грамоту, данную от его собственного имени. Диаметр оттиска второй печати 2.8 см. В центре печати был круг диаметром 1.7 см. В нем расположен еще один кружок со слабо проступающими усиками в разные стороны, герб или родовой знак Корсаков.⁵⁹

Точно такой же знак имели печати Зиновия Васильевича Корсака. На оттиске печатей Зиновия ясно видна круговая надпись: † ПЕЧТЬЗЕНОВЪАВАСІЛЬЕВЧ, . . . ТЪЗЕН . . . ВАСІЛЬЕВ. . .⁶⁰

На печати Астафия Васильевича те же три концентрических круга диаметрами 2.4, 1.4 и 0.6 см. Однако в самом центре

⁵⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 48 и 49.

⁵⁶ Там же, № 71—72.

⁵⁷ Там же, № 61.

⁵⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 599, оп. 1, № 43, л. 4—4 об.

⁵⁹ ЛЕСУВ, Вд. XI, N 93.

⁶⁰ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 34, 36.

фрагментарно изображен родовой знак. Круговая надпись гласит: . . . АТЬОСТА . . . ЕВА.⁶¹ Буквы округлой формы. У «А» очень большая круглая петля, причем правая линия заметна лишь на самом верху, у «Т» все три вертикальные линии спущены до низа строки, «В» имеет равные закругленные петли. Таким образом, печать Астафия Васильевича немногим похожа на печати его родственников — отца и брата.

Астафий Васильевич так же, как и они, был известным политическим деятелем, от собственного лица переписывался с рижскими властями.

Оттисков мещанских печатей (см. рисунок, 22) сохранилось несколько больше, чем боярских. Все они коричневого воска и находятся на купчей грамоте 1487 г.⁶² «ПЕЧАТ . . . ЕМА . . . МОВА», т. е. печать Артема Буцкова, под которой написано «Тулубеева», принадлежала известному полоцкому писцу 60—80-х годов, выходцу из многочисленной семьи полоцких мещан, имевших крупные владения к югу от города в междуречье Упачи и Уллы. Тулубей выполнял обязанности не только писца, он выступал и в качестве посла в Ригу. На его печати перекрещенные линии, в центре над которыми небольшой крестик с удлиненной вертикалью.

От оттиска печати другого полочанина Гришки Зеновьева остался герб в центре оттиска в виде широко растянутой буквы «М» с крестиком над ней. В круговой надписи видна одна только буква «Ш».

Оттиск одной печати принадлежал сразу двум мещанам — Федьке Пантелеевичу и, вероятно, его брату. Об этом свидетельствует ее надпись: . . . АТЬ ФЕДКА і АРТЕМА. В центре оттиска герб в виде положенной на левый бок буквы «К». † ПЕЧАТЬ ІВАНА (имеется в виду Иван Солок) имеет в центре две перекрещенные клюшки с крестообразными завершениями. Надпись «† ПЕЧАТЬМОКЕЕВА» окружает центральную часть в виде цифры 7 с крестиком наверху. У Нестора Онаньича центр был занят буквой «зело» с крестообразными завершениями на обоих концах. В надписи на оттиске его печати сохранилась лишь буква «Т».

Что представляли собой центральные части оттисков печатей бояр и мещан? Это могли быть и гербы, как полагает Р. Меницкий, издатель трех полоцких грамот XV в. из семейного архива,⁶³ и товарные клейма. Представляется более правдоподобным второе предположение.

⁶¹ Там же, ящ. 18, № 264; ящ. 19, № 17.

⁶² ЦГИА Лит. ССР, ф. 599, оп. 1, № 43, л. 4—4об. В настоящее время в целях сохранения оттиски заклеены калькой, так что видны меньшие фрагменты надписей, чем раньше. Надписи в тексте статьи передаем по публикации Р. Меницкого.

⁶³ R. Mienicki. Trzy dokumenty z wieku XV, str. 900.

Широкое участие полоцкого боярства и мещанства в торговле, внутренней и особенно внешней, о чем свидетельствуют многочисленные данные о деятельности тех лиц, печати которых сохранились, заставляет предполагать, что их печати включали именно товарные клейма, очень распространенные в это время. Для сравнения можно упомянуть товарные клейма ганзейских купцов.

Помимо оттисков боярских и мещанских печатей, сохранился оттиск печати одного «боярского слуги» (см. рисунок, 23). Это оттиск коричневого воска диаметром 2 см. В центральном круге (диаметр 1.1 см) находится треугольник с удлиненными кверху боковыми сторонами, на конце одной из них цветок из трех лепестков, на конце другой — птичка. Круговая надпись гласит: † ПЕЧАТЬЯКОВА...⁶⁴ (несколько меньше половины надписи неразборчива).

Собственные печати имели и слуги путные. Зеленовосковский оттиск печати Редки (см. рисунок, 24) диаметром 2 см скрепляет купчую 1499 г. В центре оттиска буква «Ч», находящаяся на горизонтальной подставке. Круговая надпись: ПЧТЬВАСИЛЬ СЕМНВЧ.⁶⁵

Изучение полоцких печатей позволяет представить все разнообразие назначения оттисков печатей. Оттиски на воске скрепляли и акты, и переписку не только государственных учреждений, но и частных лиц. В отличие от вислых печатей — атрибута власти — печать-оттиск — принадлежность юридически самостоятельного лица в равной мере, как и принадлежность государственной власти.

Печати в Полоцке придавалось огромное значение. Ни один документ, будь то акт, будь то переписка, не имел силы без печати. Печати светских и духовных властей скрепляли официальные документы. Печати частных лиц заверяли их подпись или даже были ее заменой.⁶⁶ Последнее легко объяснимо. Поскольку грамоты писались в основном и преимущественно городскими писцами, действительный их автор подтверждал принадлежность ему данного документа наложением своей печати.

Изучение печатей-оттисков одновременно с текстами грамот позволяет пролить свет на внутреннюю историю Полоцка конца XIV—XV в. Факт сосуществования наместничьей и городской печатей отражает дуализм в управлении городом, особенно заметный в середине XV в., когда городские органы власти часто выполняли функции и наместника города, когда в управлении городом ведущую роль играли мещане.

Вплоть до 80-х годов XV в. городское управление было более устойчивым, нежели наместничье. Полоцкие наместники на про-

⁶⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2, оп. 4, ящ. 19, № 35.

⁶⁵ ЦГ БАН Лит. ССР, ф. 18, № 206, л. 191.

⁶⁶ Об этом значении именной печати писал уже А. Лакиер (Русская геральдика, кн. 1, стр. 3, 185).

тяжении XV в. не имели специальной печати, фиксирующей их служебное положение, и употребляли свои личные печати.

Очень четко прослеживается эволюция епископских печатей, надписи на которых в течение XIV—XV вв. менялись от простых и лаконичных к витиеватым и замысловатым рисункам вязи. Владычные печати — хороший ориентир для датировки епископских грамот.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

ПЕЧАТИ ГОРОДСКИХ КОНЦОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Кончанское устройство являлось весьма существенной чертой исторической жизни древнего Новгорода. Разделение города на концы было свойственно не одному Новгороду, существование концов известно в ряде древнерусских городов. Но нигде они не играли такой роли, как в Новгороде, засвидетельствованной не только упоминанием их в письменных источниках, но и их собственными актовными и сфрагистическими памятниками.

Внимание исследователей древнего Новгорода уже более столетия привлекают и сравнительно хорошо выяснены относительная древность известий о каждом из концов города, их расположение и границы.¹ Но известные частично с XI в., а с XII в. в полном составе, новгородские концы были не только топографическими частями большого города. Они в качестве самостоятельных единиц участвовали в разных сторонах общественно-политической жизни города и республики — дипломатической, экономической, строительной, военной.² «Новгородцы послаша на Двину даньника Даньслава Лазутинича, а с ним из конца по 100 мужь» (1169 г.);³ «Ездиша послове новгородскыя из конца по боярину в Юрьев немецкий» (1363 г.);⁴ «Послаша к великому князю Дмитрию Ивановичу новгородцы архимандрита Давида, а с ним семь попов да пять человек житых, с конца по человеку» (1386 г.);⁵ «Новгородцы взяли серебра 5000 у святей Софьи с полатей скопления владычня Алексеева и разделиша на пять концев по 1000 на конец и иставиша костры каменны

¹ И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; С. Н. Орлов. К топографии новгородских концов. Сов. археология, 1965, № 2.

² А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. Истор. записки, т. 16, 1945.

³ ПСРЛ, V, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 229.

⁵ Там же, стр. 241.